

ОФЕНСКАЯ ЛЕКСИКА В КРАЕВЕДЧЕСКОМ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Жмурко О.И.
Иваново, ИВГУ

Одно из первых описаний «офенского» языка принадлежит известному краеведу прошлого нашему земляку К.Н.Тихонравову. Во Владимирском сборнике, изданном К. Н. Тихонравовым в 1857г., автор пытается объяснить причины появления и особенности бытования искусственного офенского языка.

Следует отдать должное в большей степени историку, этнографу, а не лингвисту К. Тихонравову, который в середине XIX века (сто пятьдесят лет тому назад) верно выделяет условия появления и природу этого языка. «Между офенями, как в товариществе людей, которые для разных выгод по торговле имеют надобность скрывать от других свои намерения и поступки, существует **особенный искусственный язык**. Язык этот состоит преимущественно из **слов народных, местных, только с переменою значения или буквальной формы, отчасти же из слов иностранных; но в том и другом случае дух народного языка положил на него свою неизгладимую печать, и синтаксис и этимология (морфология – О.Ж.) его отзываются просторечием**. Главное, исключительно принадлежащее этому искусственному языку свойство то, что он с течением времени **без перемены, как мертвое создание произвола людей, не имеющее само в себе никакого движения, ни развития, с которыми неразлучны изменения языка живого**» [Влад. сб., с.24]. Такие искусственные языки называются социальными диалектами, или арго.

Арго обычно принадлежит какой-нибудь замкнутой социальной группе, наиболее часто арготизмы встречаются в речи мелких торговцев (как офени), профессиональных нищих, биржевых дельцов, бродячих актеров, легковых извозчиков и таксистов, некоторых мелких ремесленников, профессия которых связана с торговлей. Интересен тот факт, что арго преобладает в речи тех профессиональных групп, хозяйственная деятельность которых имеет признаки наибольшей отсталости: где добыча зависит от удачи, от случая, где нет ощутимой связи между производственным процессом и продуктом труда, где труд индивидуализирован, где ценятся такие личные качества, как ловкость, изворотливость, где сильно развита конкуренция и слаба связь с хозяйством общества в целом [Лихачев, с.69]. Арго есть явление вторичного ряда над обычной речью, явление надстроечного порядка. Каждый арготирующий двуязычен, его речь варьируется в зависимости от обстоятельств: в одних случаях он употребляет арготические слова, в других – обычные.

В основание отличия арготического слова от всякого иного можно положить признак, который, как и Д.С.Лихачев, мы считаем наиболее удобным -- эмоциональный характер его, но при этом специфический, присущий только арго и легко отличимый от всякого иного: «Эмоция арготического слова не есть смешное в своем чистом и непосредственном

состоянии. Остроумие арготического слова в значительной степени стерто и разменено в процессе длительного употребления. Это не шутка, а а некоторый намек на шутку, не смешное, а знак смешного» [Лихачев, с.118].

Вот несколько примеров слов, образованных по такому «искусственному» принципу в офенской речи, которые приводит К. Тихонравов: например, подставляется (заменяется) первый слог в слове *ку-*, *ши-*, *тур-*, *шля-*, *ща-* -- *куба* 'баба', *кузлото* 'золото', *шилго* 'долго', *турло* 'село', *шлякомый* 'знакомый', *щадня* 'родня'; заменяются согласные, при этом гласные звуки остаются без изменений – *пулец* купец, *пулить* купить; в начало слова прибавляется слог или звук, обычно согласный -- *вахрамы* 'хоромы', *стрем* 'три', *здю, здью* 'два'...

Способов образования слов в этом роде огромное количество. Наиболее употребительные из них имеют названия, например, «разговор по шицы», по которому фраза «пора домой» будет *ширапоцы шимайдоцы*; или «разговор по херам» (от названия буквы), где та же фраза будет звучать как *ширахерпоцы шимахердоци*.

«Офенское» влияние на язык ограничивается лексикой, в остальном же офени следуют законам естественного языка. Предложения строятся по законам русской грамматики, слова изменяются соответственно своей принадлежности части речи, последовательно повторяются словообразовательные модели. Например, из материалов К.Тихонравова:

шлякомый 'знакомый', *шлякомиться* 'знакомиться'; *пулец* 'купец', *пулить* 'купить'; *нарить* 'мерить', *нарка* 'мерка'; *бусать* 'пить' *бусильник* 'чай'; *брысы* 'весы', *брысить* 'весить'; *вершет* 'видеть', *вершу* 'вижу', *вербухи* 'глаза', *вершальница* 'зеркало'; *витерить* 'писать', *витерщик* 'писарь'; *жуль* 'нож(ик)', *жульницы* 'ножницы'; *мурлять* 'варить', *мурляло* 'повар'; *елтониться* 'жениться', *елтуха* 'жена' и др.

С другой стороны, в новообразованных словах используется прозрачная мотивация: *видка* 'правда', *вилюх* 'заяц', *визжиха* 'пасть', *светлеха* 'комната', *звеньеха* 'стекло, посуда', *муслен* 'муж', *мусловать* 'целовать' и др. В этом процессе наречения известных понятий прослеживается придание слову эмоционально-экспрессивной оценки.

Слово арготической речи и диалектное слово глубоко различны, хотя и могут совместно существовать в языке одной и той же социальной группы. В языке одних групп преобладают арготические слова, в языке других – диалектные. Для доказательства приведем лексику обыденного употребления жителей «Офенского края» -- Вязниковского уезда Владимирской губернии. В 1868г. во «Владимирских губернских ведомостях» в №№27-31 были опубликованы записки Н.Добрынкина. Наблюдения касались образа жизни, обычаев и обрядов крестьян с.Никольского, Южи, деревень Омелово, Нефедово, Тарантаево, Костяево, Реброво, Соины и Русина. Автор приводит местные названия одежды, хозяйственных вещей и утвари, названия лиц по семейному положению, животных, птиц и прочее. Следует отметить, что это все лексика, и сейчас известная в говорах нашего региона, – собственно диалектная, т.е. характерная территориальным диалектам. Например, из названий одежды известны *косинки, наголовники, сряды, плат, запон, теплушка, холодник, босовики, бахилы, калишки, поршни, шаптуны,*

ступни, голицы. Названия, относящиеся к жилищу: *изба, порядок, подклет, клеть, мост, голубец, кудник, подполье, подволока, омшенник.* Названия хозяйственной утвари: *бакаушка, пещер, кошелка, кринка, жбан* и др. [Добрынкин].

Однако слова территориального диалекта и диалекта социального могут существовать одновременно там и там, но на разных основаниях с разными значениями. В общенародном языке и арготической речи они могут становиться омонимами. Ср. лексемы-омонимы в статье В.Д.Бондалетова: *балакирь* кувшин, кринка для молока. Нижегород., Казан., Оренб. (Даль); *балакер* чайник, горшок (Даль. Словарь языка шерстобитов; арго жгонов -- костромских шерстобитов) и ряд других. Некоторые из лексических арготизмов имеют широкую известность и смыкаются с диалектным языком и просторечием – *клёвый, клёво; хило (не хило); лох, кемарить, поханя (паханя), халява.*

Наши материалы показывают существование омонимичных пар арготизмов и диалектизмов, например, в арго *халява* 'легкая добыча, то, что досталось даром' (соврем. арго – записи О.Ж.) из еврейск. *халев* – угощение для бедных после пятничной молитвы у синагоги; в диалектной речи *халява* 'ряженный во время святок'. Ярослав., моголск., 1866. В народных обрядах ряженные чаще всего изображали животных, персонажей потустороннего мира или нечистой силы, святых, «чужих» -- представителей других этнических, социальных, профессиональных групп (цыгана, еврея, арапа, немца, барина, солдата, нищего) [Слав. мифология, с.344]. Заметим только, что в арго значение слова *халява* близко к языку-источнику, а в диалектной речи изменения семантики пошли дальше и по законам языка-реципиента, а не языка-донора. Поэтому в офенской речи и современных арго *халява* означает то, что досталось легко, без усилий, бесплатно (ср. с еврейским прототипом), а в русских народных говорах слово коренным образом семантически изменяется, получает отрицательную коннотацию, и от иностранного в значении остается только указание на «чужих», нечистых.

Следует добавить, что процесс включения арготических слов в речь неарготирующего населения города и деревни действует постоянно, то более, то менее активно, проявляется и сейчас -- в конце XX и начале XXI веков.

Литература

1. Бондалетов В.Д. Арготическая лексика в диалектологических словарях русского языка //Слово в русских народных говорах. Л., 1968. С.66-112.
2. Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии /Сост. и изд. К.Тихонравов. М., 1857. С.22-27.
3. Добрынкин Н. Вязниковский уезд Владимирской губернии //Владимирские губернские ведомости. 1868. Ч. неофиц., №31.
4. Лихачев Д.С. Черты первобытного примитивизма воровской речи. 1933; Арготические слова профессиональной речи. 1938 //Статьи ранних лет. Тверь, 1993. С.54-138.
5. Славянская мифология. Энциклопедический словарь / Ин-т славяноведения и балканистики РАН. М., 1995.